

ОБЫЧАЙ ПРОТЕЖИРОВАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

© 2010 М.М. Леонов

Самарская академия государственного и муниципального управления

Поступила в редакцию 17.06.2010

Статья посвящена теме протектирования в пореформенной России. Фокусируя внимание на взаимоотношениях посетителей салона Е.В. Богдановича, автор исследует лексические клише рекомендательных писем, механизмы и гендерные аспекты покровительства. Он приходит к заключению, что активное участие салонов в общественной жизни рубежа XIX – XX веков вело к стиранию сословных барьеров в вопросах предоставления протекции.

Ключевые слова: протектирование, дворянство, салон, патрон, клиент, общественность, неформальные связи, государственная власть, бюрократия.

Обычай протектирования укоренился в повседневной жизни русского дворянства и обусловил существование социального лифта, поднимавшего наиболее удачливых пассажиров на верхние этажи табели о рангах. Забота о “своих” отвечала традициям патриархальной культуры; на протяжении веков родственники и друзья семьи рассматривались как естественные покровители. Еще в XVII столетии боярские группировки при московском дворе отстаивали интересы “своих”, доводя порою дело до площадной брани, драк и увечий. Исследования последних лет показали, что уже в ту пору понятие “свои” не сводилось исключительно к узкому кругу кровных родственников: свойство предполагало существование разветвленной сети, включавшей множество людей, объединенных общими интересами на почве де-лежа власти и царских милостей.¹

В XIX столетии протектирование и свойство по-прежнему оставались в числе определяющих факторов социальной мобильности, хотя отношение к ним постепенно менялось, приобретая все более ироничный оттенок. Тенденция наглядно отразилась в литературе той эпохи. А.С. Грибоедов приписал Фамусову готовность “порадеть родному человечку”. Князь В.П. Мещерский карикатурно изобразил великосветских мамаш, заискивавших перед знакомыми, чтобы добыть для дочерей приглашение на бал.² Граф В.А. Соллогуб обрисовал тип молодых людей, искавших покровительства и в совершенстве овладевших “тактикой гостиных”. По словам писателя, эти юноши обладали схожими привычками, хватками и даже прическами; каждый стремился понравиться окружающим, держась в салоне “робким и неприступным, как красная

девица”, и превращаясь в “отчаянного крикуна” в компании приятелей. “С математической точностью знают они, где стать, где сесть, где поклониться, где говорить и где молчать”, – с сарказмом писал Соллогуб.³

Перемены в отношении образованного общества к протектированию, ставшие особенно заметными в пореформенную эпоху, побуждали покровителей проявлять осмотрительность в деле борьбы за интересы “своих”. В данной работе, не претендующей на всестороннее изучение патроната, я попытаюсь очертить некоторые нормы, которые дворянский мир устанавливал в вопросах предоставления протекции, коснуться гендерных аспектов покровительства, а также выяснить, кто попадал в категорию “своих” на рубеже XIX – XX веков.

Примечательно, что многие из литераторов, любивших посмеяться над обычаем протектирования, сами сполна воспользовались преимуществами, которые давали им происхождение и связи. Тот же князь В.П. Мещерский в молодости был принят в аристократических домах исключительно как представитель “отличной семьи Мещерских”. Через некоторое время, и вновь по протекции влиятельных родственников, он попал ко двору и получил работу в одном из министерств.

“Чужакам” приходилось труднее. Дворянин из провинции, не имевший покровителей в столице, сталкивался с серьезными трудностями на пути к успеху. Перед ним закрывались двери светских салонов, провинциальные родственники едва ли могли содействовать его карьере. В интересах такого дворянина было самостоятельное добиться расположения какого-либо видного чиновника, связанного с ним по службе, чтобы при его поддержке обрести шансы на лучшую жизнь. В положении “чужака” оказался Евгений Васильевич Богданович, родом из дворян Хер-

Леонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии. E-mail: mtleonov@gmail.com

сонской губернии. К 32 годам он дослужился до звания майора и был переведен в распоряжение министра внутренних дел.⁴ Богданович не имел значительного состояния или блестящих семейных связей, однако сумел выдвинуться, обретя патрона в крупном чиновнике Н.А. Ермакове.

Николай Андреевич Ермаков оказался хорошим покровителем. Он прочно занимал место в рядах бюрократической элиты: председательствовал в комитете грамотности при Вольном экономическом обществе, затем руководил Петербургским технологическим институтом, в 1875 году был назначен вице-директором департамента торговли и мануфактур министерства финансов, а четыре года спустя возглавил этот департамент. При поддержке Ермакова Е.В. Богданович пошел в гору, был произведен сначала в подполковники, затем в полковники и завершил свою служебную карьеру в генеральском чине.

В чиновных кругах Е.В. Богданович получил известность как хозяин популярного салона. В разное время его посещали влиятельные люди: Н.П. Игнатьев, И.А. Вышнеградский, В.К. Плеве, В.Б. Фредерикс и др. Визитной карточкой салона стала впечатляющая осведомленность о событиях в жизни двора и чиновного мира. Злободневные новости звучали здесь прежде, чем попасть в газеты. Это позволяло собирать за столом редакторов крупных органов печати (таких, как А.С. Суворин и М.Н. Катков).

Атмосфера домашнего общения создавала благоприятные условия для сотрудничества между должностными лицами. Гости обменивались важной информацией, обзаводились полезными знакомствами и даже, до некоторой степени, сближались между собой. На обедах непременно подавали белое и красное вино; сослуживцы за общим столом становились приятелями. Стиранию границ помогало присутствие женщин. Деятельное участие в организации трапез принимала супруга Е.В. Богдановича, Александра Викторовна; Н.А. Ермаков временами привозил в салон жену и дочь, так же поступали многие другие гости. Смешанный состав участников застолий способствовал общению на повседневные темы, поэтому впоследствии, во время разговора в служебном кабинете или в частной переписке, чиновники легко возвращались к бытовым сюжетам. Так, однажды И.А. Вышнеградский адресовал Н.А. Ермакову записку с вопросом о том, как лучше одеться, чтобы идти в Государственный совет.⁵ Используя терминологию Дж. Бойсвейна, можно сказать, что между участниками обедов открывались “каналы коммуникации”, дававшие основания обращаться друг к другу по разным поводам и ждать особого внимания к своим просьбам.⁶

Очевидно, что наиболее выгодным было положение хозяев: они лично приглашали гостей, знакомили новичков, руководили беседой – одним словом, занимали центральное положение среди участников обедов. Все это открывало прекрасные возможности для протектирования. Е.В. Богданович начал сам выступать в роли покровителя, причем с годами число людей, прибегающих к его помощи, все возрастало. Принимая во внимание особенности его служебного статуса – он лишь числился в министерстве внутренних дел, – можно констатировать, что Богданович оказывал по преимуществу посреднические услуги, снабжая своих протеже рекомендательными письмами и лично обращаясь с просьбами к влиятельным гостям салона. Такая практика изменила формат взаимодействия со старыми патронами Богдановича, в первую очередь с Н.А. Ермаковым. Богданович постепенно выходил из положения клиента и превращался в посредника, оперировавшего ресурсами локальной сети, сплетенной в его салоне.

Устраивать чужие судьбы было сподручнее, чем просить за себя, поскольку покровительство ассоциировалось не со стяжательством, а с великодушием, заботой о ближних. Сохранившиеся тексты проливают свет на то, какими средствами посредники добивались благ для своих подопечных. В одном из писем к Н.А. Ермакову Богданович просил помочь П.З. Степанову, которого знал много лет, “пользовался его указаниями и сведениями”, а также лично “удостоверился” в его компетентности. Хозяин салона не скупился на эпитеты, характеризуя знакомого как “труженика”, “скромного, достойного человека”, “пользующегося в крае отличной репутацией”.⁷ В другом письме он просил Ермакова пристроить в Технологический институт молодого человека из известной киевской семьи. Этот юноша, по словам Богдановича, “хорошо и много учился”, а его отец “пользуется почетным уважением среди всех киевлян”.⁸ Можно констатировать наличие общих элементов во множестве отправленных им рекомендательных писем. По-видимому, это говорит о существовании клише, выработанного большой практикой, превратившей протектирование в рутину.

Наиболее характерным элементом клише была идентификация клиента как “своего” человека, призванная отделить его от массы “чужих”. В приведенных выше примерах это достигалось, соответственно, за счет указания на давнее личное знакомство в первом случае и принадлежность протеже к хорошо знакомой семье – во втором. Помимо этого важной составной частью клише был рассказ о незаурядных личных и деловых качествах подопечного, о его незапятнан-

ной репутации и т.д. Фактически автор письма давал гарантию того, что рекомендуемый человек достоин просимого, и нес за него моральную ответственность.

Е.В. Богданович любил вставить в письмо фразу, заострявшую внимание на том, что успех дела значим для него лично и определяет его душевный настрой: “порадуйте меня”, “Вы окажете мне великое удовольствие”. Многие современники шли дальше, сгущали краски и прибегали к эмоциональному слогу, чтобы пробудить сочувствие к протеже. Их подопечные изображались страдальцами, жертвами обстоятельств и людской несправедливости. Об этом наглядно свидетельствует подбор эпитетов: “бедный”, “жестоко гонимый роком”, “оболганный” – но в то же время “хороший и честный человек”, обладающий незаурядными талантами и рвением к работе. Однажды князь В.П. Мещерский хлопотал о пособии для знакомой, патетически восклицая: “я умоляю Вас именем Христа милосердного прийти на помощь несчастной в эту драматическую минуту”. Просьба прозвучала как крик души, хотя речь шла всего-навсего о сумме в сто рублей.⁹ Чем объясняется подобная несдержанность? Трудно ответить однозначно. С одной стороны, дело могло быть в эмоциональной уязвимости конкретного адресата. В таком случае нагнетание страстей можно расценивать как попытку сыграть на его чувствах. С другой стороны, психологический нажим мог служить признаком особой близости клиента к покровителю. Это позволяет сделать предположение о градации “своих”, осознанном или бессознательном выделении патроном наиболее значимых из числа его клиентов.

Констатируя, что, в силу своего широкого распространения, протекция в дворянском мире считалась обыденным явлением, важно подчеркнуть кровную заинтересованность покровителей в позитивном отклике на их просьбы. Это объяснялось тем, что ставки в деле протектирования были высоки. В случае успеха покровитель обретал благодарного клиента, а слухи о его влиянии и связях распространялись в светском обществе. Напротив, неудача вела к разочарованию клиента, и, с некоторой долей вероятности, к возникновению разговоров за спиной о том, что патрон переоценивает свой авторитет и берется за дела не по плечу. Опасения утратить социальный престиж толкали некоторых аристократов на эмоциональные шаги и провоцировали скандалы. Государственный секретарь А.А. Половцов занес в дневник историю о своем участии в одном из таких столкновений. А.Н. Нарышкина, супруга обер-камергера, стремилась добиться приглашения на званый вечер для своей проте-

же. Половцов отказал. Нарышкина сочла себя обиженной и на одном из придворных праздников выказала ему грубость. В отместку Половцов воскликнул ей в лицо: “Как дурно воспитана эта высокопоставленная особа”, а затем “весьма громко” повторил свою фразу, “к крайнему удовольствию толпы слушателей”.¹⁰

Сам Половцов, выступая в роли покровителя, действовал много осторожнее. Должность государственного секретаря давала ему колоссальное влияние, однако там, где это виделось возможным, он шел по пути минимизации рисков. В качестве иллюстрации можно привести его письмо к Н.А. Ермакову:

“Старинный мой сенатский товарищ Владимир Васильевич Зубков просит меня снабдить его рекомендательным к Вам письмом, без объяснений по какому-то делу. Как я ни доказываю ему ненужность подобного писания, но не могу отказать настоятельному его требованию, пользуясь исполнением этого требования для засвидетельствования Вам совершенного моего почтения и преданности. А. Половцов”.¹¹

Итак, Половцов сфокусировал внимание на персоне В.В. Зубкова, который был рекомендован как “старинный мой ... товарищ”, то есть “свой”, проверенный человек. Пусть внешне обращение обыгрывалось как курьез и способ засвидетельствовать преданность, но между строк проглядывала его подлинная интенция: Половцов выступал гарантом того, что с Зубковым можно иметь дело. Составляя протекцию своему знакомому, госсекретарь в то же время застраховал себя от возможных неприятностей: он просил лишь принять Зубкова, уклоняясь от обсуждения сути дела и даже утверждая, что планы протеже ему неизвестны.

Подобный прием использовался многими и регулярно. Е.В. Богданович и его супруга зачастую ограничивали свою протекцию организацией встречи их подопечных с тем или иным influentialным лицом. Например, А.С. Суворин регулярно получал просьбы “подарить четверть часа” гостям салона.¹² Таким образом, Богдановичи не устраивали в полном смысле слова судьбы своих протеже, а лишь принимали в них участие; клиентам предоставлялась возможность проявить себя и внести свою лепту в решение вопроса.

Успех протекции во многом зависел от осведомленности посредника о текущих нуждах и возможностях его влиятельных друзей. Это наглядно проявлялось в деле продвижения клиентов на должности. Каждый руководитель стремился назначать на ключевые посты в своем ведомстве людей, чья репутация и профессионализм были ему известны. Однако подходящие кандидатуры имелись под рукой не всегда; проблема “нехват-

ки людей” – образованных, способных, жаждущих посвятить себя работе – считалась традиционной для органов государственного управления России. В этом случае чиновник обращался к посредничеству своих знакомых и сослуживцев. Так, И.А. Вышнеградский, подыскивая нового директора Ремесленного училища в Петербурге, неоднократно писал Н.А. Ермакову с просьбой дать совет и оценить имеющихся претендентов.¹³ Подобное доверие было сопряжено с большой ответственностью, но вместе с тем оно создавало идеальные условия для протектирования “своим”.

Доверительные отношения с Ермаковым и обширные связи в мире столичной бюрократии обусловили информированность Е.В. Богдановича по широкому кругу вопросов. Получая необходимые сведения непосредственно от высокопоставленных посетителей либо из вторых рук (в дом иногда приглашались родственники и слуги сановников, способные поведать некоторые секреты), Богданович знал, к кому лучше обратиться за помощью в конкретный период времени. В повседневном общении он умел подметить характерные черты людей и выявить их привязанности. Природная же находчивость позволяла ему изобретать нетривиальные способы завоевания симпатий. Однажды А.С. Суворину потребовалось добиться расположения крупного чиновника министерства внутренних дел С.С. Перфильева, и Богданович наставлял его:

“У Степана Степановича Перфильева, есть дочка Варвара, 14 лет, завтра ее именины, она любит картины. На Вашем издании “Каин и Авель и Рай” сделайте надпись: “Варваре Степановне Перфильевой от издателя” и вручите подателю, – а завтра отправлю по назначению. Ручаюсь, что такая любезная проделка произведет хорошее впечатление на тятиньку”.¹⁴

Как видно, Богданович был большой мастер “любезных проделок”; ему неоднократно доводилось публично восхищаться детьми высокопоставленных знакомых и ездить “с конфетками к падчерице голубушке”.¹⁵ Он ловко распознал чадолюбивый характер С.С. Перфильева и предложил использовать эту слабость. Надо полагать, успех множества протекций Богдановича был обусловлен именно тем, что свои просьбы он излагал не в форме сухих рекомендательных писем, а устно, невзначай, с видом самой искренней заботы, сделав подарок или оказав какие-либо услуги со своей стороны. В раскованной салонной обстановке, за рюмкой вина, чиновники охотней шли ему навстречу. Лукавство и деловая хватка Богдановича производили впечатление на окружающих: тот же Суворин в одной из дневниковых записей называл его “удивительным плутом”.¹⁶

Изучение массива рекомендательных писем убеждает в том, что разнообразные уловки, будь то игра на чувствах или эмоциональная окраска текста, до некоторой степени могли способствовать достижению цели, но все же главным фактором успеха был социальный капитал. Протектирование наглядно демонстрировало реальные возможности патрона: в отсутствие солидного общественного веса и полезных связей его протекция имела сомнительные шансы. Разумеется, известны единичные случаи, когда результат был достигнут без должной подготовки, по счастливому стечению обстоятельств. Так, в 1889 году В.В. Зубков обратился к графу И.И. Воронцову-Дашкову с письмом, в котором хлопотал о субсидии в четверть миллиона рублей. Тон и содержание послания были призваны пробудить в читателе сострадание. Воронцов-Дашков отдал письмо своей супруге. По свидетельству А.А. Половцова, за этим последовала неожиданная развязка: “графиня нашла письмо столь трогательным, что, читая его, расплакалась; то же самое сделала находившаяся при этом и слушавшая чтение Елена Шереметева. Покуда эти две глупые женщины плакали, вошла императрица и тоже расплакалась, и все три женщины вместе осадили императора, который и сдался”.¹⁷ В глазах Половцова эпизод выглядел анекдотично, что подтверждается пассажем “глупые женщины”, а также финальной фразой: “точно слушаешь историю из султанова гарема!” Вместе с тем, этот казус служит иллюстрацией того, какой могучей силой могла стать женская протекция, особенно когда несколько светских дам действовали сообща.

Касаясь гендерных аспектов протектирования, надо отметить, что, не являясь частью чиновного мира, женщины тем не менее активно вмешивались в его жизнь. Отсутствие позиции в бюрократической иерархии существенно ограничивало их возможности, вынуждая действовать через знакомых мужчин. Иные из светских дам не признавали другого пути, нежели психологическое давление на визави, выражавшееся в настойчивом повторении пожеланий, напоминаниях и требованиях. Порой действия принимали агрессивный оттенок: так, камер-фрау М.П. Флотовой, состоявшая при императрице Марии Федоровне, пыталась ошеломить Н.А. Протасова-Бахметева богатством своих придворных связей и заставить его взять на значимые должности близких к ней людей.¹⁸ Этот грубый способ не всегда приносил успех, и совсем неудивительно, что затея Флотовой провалилась.

Вместе с тем положение светской женщины несло с собой и преимущества, которые в умелых руках могли обеспечить нужный результат.

Правила хорошего тона обязывали дворянина проявлять деликатность в отношении дам и уступать им, когда уступки не вредили ему самому. Репутация дворянина в значительной степени зависела от мнения женской половины “света”; это обстоятельство побуждало чиновников любого ранга выслушивать просьбы и в некоторых случаях удовлетворять их. К числу несомненных козырей дворянки, выступавшей в роли покровителя, можно отнести ее связи в женском мире. Светский этикет пореформенной эпохи давал женщинам сравнительно большую свободу проявления чувств, что позволяло не скупиться на выражения приязни. Супруга Е.В. Богдановича, Александра Викторовна, привечала в салоне жен чиновников, именовала их “милая”, “голубушка”, целовала их, отправляла им маленькие подарки и т.д.¹⁹ Инвестиции в отношения приносили щедрые дивиденды. Во-первых, дамы были неплохо осведомлены о мыслях и делах своих мужей, об их связях с сослуживцами и некоторых их секретах, но не всегда знали цену этим сведениям и в непринужденной беседе могли поведать то, о чем их спутники предпочли бы умолчать. Во-вторых, многие жены имели достаточное влияние на мужей для того, чтобы решить судьбу протекции.

Соединение усилий супругов Богданович обеспечило их салону известную устойчивость в мире столичной бюрократической элиты. Смерть Н.А. Ермакова в 1897 году не пошатнула их положения; на рубеже веков хозяева дома обладали неформальными связями со многими влиятельными людьми.

Наряду с традиционными обедами для избранных в доме Богдановичей стали проводиться ежедневные завтраки, куда допускались, уже без приглашения, выходцы из разных сословий. Многие из них имели просьбы к хозяину дома. Генерал угощал их, выслушивал рассказы, обещал содействие. Что побуждало его принимать в своей столовой лиц, едва ему знакомых? Прежде всего стремление разобраться в нуждах и чаяниях широких масс. Подобная информированность оказалась востребованной в годы первой русской революции. Самодержавию пришлось более чем когда-либо прежде считаться с настроениями масс, и это обстоятельство побуждало прислушиваться к осведомленным людям, обладавшим широкой сетью социальных связей. Хозяева нескольких салонов Петербурга отправляли императору записки о состоянии умов и о настоящих мерах. Среди авторов донесений был и Е.В. Богданович. Высказывая свои соображения Николаю II, Богданович подчеркивал, что опирается на опыт “близкого общения” с русским народом: “Я веду обширную переписку с тыся-

чами лиц разнообразнейших положений, живущих в самых различных уголках нашего Отечества. Когда они приезжают в Петербург, они бывают у меня, давая мне возможность личного с ними обмена мнений. Меня посещают, в числе прочих, и рабочие столичных заводов и студенты здешних высших учебных заведений, даря меня своим доверием и нередко прося моих советов”.²⁰ Акцент на информированность был неслучаен: власть искала способы подавления смуты, что требовало четких представлений о настроениях различных социальных групп.

Е.В. Богданович позиционировал себя как консерватора, предлагавшего властям “охранительные” рецепты управления страной и заботившегося о наполнении органов власти “верными людьми”, добросовестными слугами самодержца. В донесении Николаю II в 1905 году он призывал отправить в отставку С.Ю. Витте, указывая на его непопулярность в обществе и находя его политический курс антироссийским. “Всеми ненавидимый, всеми подозреваемый, наглый, дерзкий, циничный, он весь свой изворотливый ум, всю свою крепкую волю посвятил видам честолюбия, – обличал премьера Богданович. Долее терпеть его у власти значит играть судьбами Отечества”.²¹ Во время аудиенций у императора и в переписке с ним Е.В. Богданович пытался влиять на судьбы видных общественных деятелей: он добивался отставки А.В. Кривошеина и А.П. Извольского, ходатайствовал о карьере И.А. Думбадзе и Н.А. Маклакова.²²

К помощи генерала прибегали московский градоначальник А.А. Рейнбот и одесский губернатор И.Н. Толмачев, а наряду с ними – множество лиц, обосновавшихся на разных ступенях социальной иерархии. Протежирование в салоне приобрело массовый, конвейерный характер. Это обстоятельство привлекло внимание современников: появились даже слухи, что Богданович берет взятки и торгует своим покровительством.

Обвинения не подкреплялись доказательствами. В самом деле, едва ли правомерно связывать салонное протежирование с извлечением сиюминутной денежной выгоды. Более того, не один Богданович хлопотал о карьерах десятков людей: многие столичные салоны распахнули двери для выходцев из разных сословий. Гостиную князя М.М. Андронникова посещала масса молодежи “чуть ли не с улицы”.²³ С большим размахом протежировал в своем салоне князь В.П. Мещерский.²⁴

Как объяснить такие перемены? Почему в начале XX века легко становились “своими” и получали протекцию те, кто прежде относился к категории “чужих”? Мне представляется, что объяснение надо искать в изменении ментально-

сти дворянства. Образованное общество консолидировалось и заявляло о себе; салоны стали своего рода связующим звеном между обществом и представителями власти. Хозяева салонов были заинтересованы в привлечении единомышленников под свои знамена; как следует из приведенных выше примеров, политическое влияние и осведомленность Богдановича зиждились на фундаменте его салонных связей. Понятие “свои” расширяло границы: идентификация осуществлялась на основании идейного родства. Протектирование становилось внесловным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Седов П.В. “Он мне свой...” (Свойство при московском дворе XVII в.) // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. СПб., 2005. №7. С.190-199.
- ² Мещерский В.П. Женщины из петербургского большого света. Оригинальный роман в трех частях. СПб., 1879. С.88-89.
- ³ Соллогуб В.А. Повести; Воспоминания. Л., 1988. С.82
- ⁴ Богданович Е.В. Стрелки императорской фамилии. Исторический очерк. СПб., 1899. С. 172; Материалы для биографии Е.В. Богдановича ко дню его 80-летия (26 февраля 1909 г.). СПб., 1909.
- ⁵ РГАЛИ. - Ф.2555. Оп.1. Ед.Хр.959. Л.20. И.А. Вышнеградский – Н.А. Ермакову, 30 октября 1882 г. “Решаюсь беспокоить Вас очень ничтожным вопросом: нужны ли белый галстух и лента, чтобы идти в Государственный Совет, или же возможно явиться в вицмундире, черном галстухе и при звездах?” - уточнял И.А. Вышнеградский.
- ⁶ Boissevain J. Friends of friends: networks, manipulators and

- coalitions. Oxford, 1978. P.147-148, 158.
- ⁷ РГАЛИ. Ф.2555. Оп.1. Ед. хр.915. Е.В. Богданович – Н.А. Ермакову, 10 августа. Л.21-21 об.
- ⁸ Там же. Л.4.
- ⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1571. Оп.1. Ед. хр.287. Л.3. В.П. Мещерский – А.В. Кривошеину, 12 марта 1910 г.
- ¹⁰ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В двух томах. Т.2. 1887-1892. М., 2005. С.278.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп.1. Ед.Хр.1167. Л.4. А.А. Половцов – Н.А. Ермакову, 21 апреля 1881 г.
- ¹² РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.Хр.416. Л.58 об. – 59, 121; Оп.2. Ед.Хр.1152. Л.6-6 об.
- ¹³ РГАЛИ. Ф.2555. Оп.1. Ед.Хр.959. Л.2, 6 – 6 об. И.А. Вышнеградский – Н.А. Ермакову, 10 и 24 июня 1880 г.
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.Хр.414. Л.87. Е.В. Богданович – А.С. Суворину.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф.2555. Оп.1. Ед.Хр.915. Л.6.
- ¹⁶ Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С.125.
- ¹⁷ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т.2. С.228.
- ¹⁸ Там же. С.454.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф.459. Оп.2. Ед.Хр.1152. Л.1-10. Письма А.В. Богданович А.И. Сувориной, 1890-1900-е гг.
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.543. Оп.1. Ед. хр.588. Л.4. Доклад Е.В. Богдановича Николаю II, 1 февраля 1905 г.
- ²¹ Там же. Л.3.
- ²² Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С.163.
- ²³ См: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т.1. С.21-22.
- ²⁴ См. подробнее: *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России на рубеже XIX – XX вв. Самара, 2009.

PATRONAGE IN EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN NOBILITY (END OF XIX – EARLY XX CENTURIES)

© 2010 M.M. Leonov

Samara Academy of State and Municipal Management

The paper considers the problems of nobility patronage and adaptation of Russian noble salons in the new political climate after the Great Reforms. M. Leonov argues that salons eliminated social barriers and became both the places for common leisure of the administrative elite and the centers for crystallization of public opinion.

Key words: patronage, nobility, salon, patron, client, public opinion, informal connections, state power, bureaucracy.